

3. Blum A. The development of an Integrated Science Curriculum. Information Scheme // European J. of Science Education. 1981. Vol. 3. P. 1–15.

**ДЕВИАНТНЫЕ ТЕМЫ
ПОДРОСТКОВОГО РОМАНА XX ВЕКА**

**DEVIENT THEMES OF THE YOUNG ADULT NOVEL
OF THE 21ST CENTURY**

Н.С. Зелезинская

N. Zelezinskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: zelennew@tut.by

В данной статье перечисляются новые темы подросткового романа, как то суицид, смерть близкого, травма, убийства, теракты, холокост, донорство, каждая из которых стала актуальной для детей, подростков и молодых людей в современном мире. В статье ведется речь о зависимости появления т.н. девиантных тем для детей от социальных проблем, а также от культурных процессов децентрации и десубъективации. В статье указывается как на появление новых характеристик направления «жестокоего» реализма в зарубежном янг эдалте начала 21 века, так и на сохранение традиционных черт подростковой прозы.

The article lists new themes of the contemporary young adult novel such as terrorist attacks, trauma, suicide, death, homosexuality, holocaust, donation, each of which has become relevant for children, adolescents and young people in today's world. The article discusses the dependence of the so-called deviant themes for children on social problems as well as on cultural processes of de-centring and de-subjectivation. The paper points out both the emergence of new characteristics of "harsh" realism in Young Adult literature of the early 21st century, as well as the persistence of traditional features of teenage prose.

Ключевые слова: подростковый и молодежный роман; янг эдалт; жанр; мотив; «жестокый» реализм.

Keywords: young adult literature; teenagers; motif; genre; harsh realism.

Мир стал слишком жесток даже к детям. Или просто пришло время осознать его имманентную жестокость. До такой степени, что под действием шока от происходящего вокруг подростковая и молодежная литература в начале XXI века распалась на две противоположные ветви. Первая решительно открестилась от хаоса и ужаса происходящего и создает прекрасные миры, где даже самые злые волшебники куда лучше

реальных террористов и насильников. Жанрово она представлено фэн-тэзи, любовным романом и паранормальной литературой. При этом разнообразие поэтики перечисленных форм лишь видимое: читатель очевидно предпочитает всевозможные гибриды о влюбленных вампирах и зомби в лабиринтах.

Вторая ветвь в реалистичности отображения жестокой действительности превзошло даже взрослую литературу. По нашему мнению, подростковый и молодежный роман вошел в число лидеров направления «жестокого» реализма, чья популярность значительно выросла в конце 1990-х. К реалистическим жанрам, в первую очередь, относится проблемный подростковый и молодежный роман. Последний мы выделяем на основании ряда признаков на идейном, эмотивном, сюжетном, языковом уровнях (Более подробно см. [1]). В основе проблемного молодежного и подросткового романа лежит острая проблема современного глобального общества, как то:

– самоубийство («Хорошо быть тихоней» Стефана Чборски, «Все мои жалкие печали» Мириам Тоес, «Тринадцать причин почему» Джея Эшера, «Суицид» Эрленд Лу Мулей, «Это очень забавная история» Нед Виззини, «Все радостные места» Дженнифер Нивен, «Я была здесь» Гейл Форман);

– смертельная болезнь («Ангел для сестры» Джоди Пиколт, «Винноваты звезды» Джона Грина, «Все-все» Никола Юн, «В метре друг от друга» Рейчел Липпинкотт);

– насилие над детьми и похищение ребенка («История Джейн N» и «Твой последний секрет» Лори Фариа Столац, «Меня зовут Сол» «Скажи мне, Красная Шапочка» Беаты Терезы Ханика, «Милые кости» Элис Сиболд);

– жизнь во лжи и ложь родителей («Один из нас лжет» Карен М. Макмаус, «Мы были лжецами» Эмили Локхарт);

– детское донорство («Ангел моей сестры» Джуди Пиколт, «Не отпуская меня» Кадзуо Ишигуро);

– ребенок на Второй мировой войне, холокост («Мальчик в полосатой пижаме» Джона Бойна, «Сосчитай звезды» Лоис Лоури, «За стеной спальни» Лауры Ф. Уильямс, «История Дэниэла» Кэрол Мэтэс);

– теракты, военные конфликты, убийства, неблагополучная, часто военизированная социально-экономическая среда («19 минут» Джоди Пиколт, «Жутко громко и запредельно близко» Джонатана Фоера, «Бегущий за ветром» Халеда Хоссейни, Hosseini «Ненависть, которую ты порождает» Энджи Томас, «Пакс» Сары Пеннипакер);

– смерть и потеря близкого («В конце они оба умрут» Адама Сильверы, «Если я останусь» Гейл Форман);

– интеллектуальная или физическая недостаточность и дезадаптированность особенного ребенка («Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона, «О мальчике» Ника Хорнби, «Многочисленные Катерины» и «Бумажные города» Джона Грина, «Правила дождя» Ли Шаер, «Любовные письма Абеяра и Лили» Лауры Кридл);

– физиологические возрастные изменения, обретение сексуальности, подростковая беременность и родительство (романы Джуди Блум и Гейл Форман, «Первые» Лори Элизабет Флин, «Роза на бетоне» Энджи Томас);

– проблемы детей из религиозных, расовых, национальных, этнических, сексуальных меньшинств («А что, если это мы» Адама Сильверы, «С обеих сторон» Пейтон Томас, «Прорасти» Энджи Томас, «Мечты коричневой девочки» Жаклин Вудсон);

– другие психологические травмы, например, развод родителей, смерть питомца («Само собой и вообще» Кристине Нестлингер, «Сломанная собака» Ирины Бутиной, «Пакс» Сары Пеннипакер).

В большинстве случаев они относятся к списку тем, ранее считавшихся невозможными, неполюженными, неподходящими для детского чтения. И раньше в художественном произведении объектом происходящего мог стать ребенок, но только с конца XX века ему позволили стать и субъектом, признав его право говорить, размышлять и знать о том, что происходит с ним, с его друзьями, с такими, как он, став целевой аудиторией автора. Изменения такого плана происходят под влиянием глобальных культурных процессов как то децентрация и десубъективация. Таким образом, мы рассматриваем появление проблемного романа как результат «продавливания» традиционных норм детской литературы под воздействием культурно-исторических обстоятельств.

В современной литературе смогли, наконец, появиться «другие» герои наравне, тогда как супердевочки и супермальчики, которым все по плечу, исчезли, а Мэри Энн стали безвкусным клише. Сегодня инаковость перестала ассоциироваться с чуждостью, наделяться отрицательной оценкой и отторгаться. В результате ранее невозможные, «девиантные» темы, достаточно острые и для взрослого читателя, стали не только доступны для молодежи и подростков (героем и адресатом этого жанра писатели называют читателя от 14 лет и до примерно 24), но и чрезвычайно популярны. Проблемные подростковые романы подолгу занимают верхние строчки книжных рейтингов и получают престижные литературные премии (необязательно детские).

Данные культурные, философские и социальные процессы в достаточной степени осмыслены обществом. Большинство подростковых писателей пишут не по наитию, не угадывая запросы аудитории интуи-

тивно, а ставя перед собой конкретные цели. Так, молодая черная американка Энджи Томас, ворвавшаяся в литературный мир с романом «Ненависть, которую ты порождаешь» и написавшая за четыре последних года еще три успешных романа, рассказывает в интервью: «Я хотела показать взросление черного мальчика. Моей целью было написать историю о маленьком черном мальчике как он есть, как он бывает временами уязвим, временами напуган, но всегда является человеком. Наше общество недостаточно «очеловечивает» черных мальчиков: мы отказываем им в таком качестве как уязвимость. Наоборот, мы рассматриваем их больше как угрозу и опасность, на которую можно наткнуться поздним вечером на улице, а не как людей, заслуживающих уважения и признания их достоинства. Эти стереотипы дегуманизируют черных американцев и, следовательно, наше общество в целом» [2].

Однако не стоит полагать, что, войдя в русло «жесточкого» реализма, вобрав черты социального романа XIX века, подростковых роман утратил свою специфику. Напротив, именно благодаря простоте языка, неизощренности стиля, двоимирию (отчетливому разделению семантического пространства произведения на мир взрослых и мир детей), хронологическому сюжету, отсутствию скрытых аллюзий и ясности интерпретации этот жанр нашел свою аудиторию и успешно удерживает ее третье десятилетие. Так, например, роман «Жутко громко и запредельно близко» Джонатана Фоера раскрывает одну из самых острых тем современности – терроризм. При этом среди действующих героев нет террористов, автор не обращается ни к причинам террористического акта, ни к описанию самого теракта, ни к широкой панораме попыток жертв теракта покинуть здание Билдинг Эмпайер. Фоер фокусируется на одном-единственном человеке – мальчике Оскаре, который и близко к Эмпайр-Стейт Билдинг 11 сентября не подошел. Но жизнь ребенка все равно разделилась на две половинки: до того, как его отец ушел на работу утром, и после того, как не вернулся вечером. Новаторство романа (и жанра в целом) заключается в том, что не столько проблема современности показана глазами ребенка, сколько ребенок показан внутри глобальной проблемы.

Простой язык подросткового и молодежного романа не означает простоты идей. К тому же, чем менее метафоричен автор, тем «жестче» реалистичность его картины мира. «Ты увидишь (в музее) множество изображений умерших. Ты увидишь Иисуса Христа, и чувака, которого закололи в шею, и людей, умирающих в море или в бою, и целый парад мучеников, но НИ ОДНОГО РЕБЕНКА, УМЕРШЕГО ОТ РАКА», – горько резюмируют два умирающих от лейкемии подростка [3]. Но в нашем мире, их, к несчастью, не двое, а намного больше, и каждому из

них роман Джона Грина «Виноваты звезды» пытается дать шанс любить, шутить и верить или просто почувствовать эмпатию, а не одиночество. Джоди Пиколт в романе «Девятнадцать минут» исследует причины, заставившего подростка открыть огонь по одноклассникам, Джей Эшер в романе «Тринадцать причин почему» – причины суицида старшеклассницы Ханны, Энджи Томас в романе «Роза на бетоне» – попытки юноши смириться с ролью отца. В подростковой литературе сегодня много тем, но чего в ней нет, так это осуждения, неприятия, возмущения поступкам и мыслям героев. Проблемный подростковый роман стал вызовом несостоятельности взрослых обеспечить воспеваемые ими права человека: право на жизнь, право на голос, на свободу, на самовыражение, право на правду: «Что есть мой рак? Мой рак – это я» [3]. «Жестокый» реализм позволяет подросткам сказать и услышать самих себя: «“Не понимаю, почему все так носятся со своими чувствами. Какой в них смысл? Важно только то, что ты знаешь и умеешь”, — провозглашает Сол, и это ее заявление — не пустая бравада: она в самом деле не видит смысла фиксироваться на прошлом. Ей гораздо важнее, чтобы паршивая ситуация, в которую они с Пеппой угодили, поскорее разрешилась, чтобы они могли остаться вместе, и чтобы у их мамы все тоже как-нибудь наладилось» [4].

Когда-то Адорно писал, что после Аушвица поэзия закончилась. После 11 сентября не только поэзия забыла о поэтичности, но даже детская литература лишилась наивности и идеалистичности и местами стала напоминать манифест или ультиматум. Мотивы насилия, гомосексуальности, смерти, самоубийства, неизлечимой болезни, страха и стыда уже актуализированы современными писателями из “запрещенных”, “девиантных” тем превращаются в повседневные и привычные. Их новизна, затем популярность и вариативность уже осмыслены и самими писателями, и читателями, и критиками, что, конечно, видится как положительное явление. В зарубежном литературоведении давно закончились и попытки запретить особо смелые произведения, и даже их осуждения в терминах маргинальности либо неприемлемости. Если проблема существует, то лучше ее проговаривать, а не замалчивать.

Понимание важности этого процесса, связи благополучия подростков и подростковой культуры, в частности, литературы, отражают значимые общественные проекты. Так, летом 2021 года при финансовой и информационной поддержке семьи Обама был издан сборник рассказов «Затемнение» (*Blackout*) шести черных писателей, получивших признание критиков, бестселлеры и награды. Дониэль Клейтон, Тиффани Д. Джейсон, Ник Стоун, Энджи Томас, Эшли Вудфолк и Никола Юн объе-

динились, чтобы привнести «светящееся тепло и электричество любви чернокожих подростков в этот взаимосвязанный роман очаровательных, уморительных и душевных историй, которые проливают яркий свет сквозь темноту» [5]. Может быть, этот сборник позволит пробиться ро-стку любви, дружбы, эмпатии, радости через сложное взросление в не самой благополучной среде, враждебную к подросткам и зачастую тре-бующую от них неоднозначного выбора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зелезинская Н.С. Подростковая литература как зеркало общества // Вопросы литературы. 2020. № 1. С. 159-175.
2. How Books Can Change Lives: Angie Thomas Interview [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Oo3hL8G1SFw> (date of access: 07.09.2021)
3. Грин Дж. Виноваты звезды / пер. с англ. О.А. Мышакова. М.: АСТ, 2012. URL: <https://mybook.ru/author/dzhon-grin/vinovaty-zvezdy/read>. (дата обра-щения: 23.06.2019).
4. Юзефович Г. Английский роман-головоломка, трогательный хоррор и совсем не сентиментальная история о тяжелом детстве Три захватывающих переводных романа для долгих выходных [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2018/11/03/angliyskiy-roman-golovolomka-trogatelnyy-horror-i-sovsem-ne-sentimentalnaya-istoriya-o-tyazhelom-detstve> (date of access: 12.12.2018).
5. Blackout: Everything We Know (So Far) About YA's Biggest Book of 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epicreads.com/blog/everything-we-know-about-blackout> (date of access: 09.09.2021)

«ОБРАЗНОЕ» И «ПОНЯТИЙНОЕ» ИНФОРМАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

«FIGURATIVE» AND «CONCEPTUAL» INFORMATION MODELING

С.Ю. Лебедев

S. Lebedzeu

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: sulebe@yandex.ru

Работа представляет собой анализ образного и понятийного типов управления информацией. Исследуются разные типы продукта деятельности человеческого мышления: порожденные образным мышлением модели и модели, порожденные понятийным мышлением.